

Цяо Жань также привязали к столбу. Слезы застилали ей глаза, а волосы спутались от рывков.

— Цяо, не бойся, — Цинь Хуай плюнул в сторону Се Лаоши. — Что за подлость — поднимать руку на женщину? Я, Цинь Хуай, больше всего презираю таких, как ты. Бей меня! Давай же!

Се Лаоши только замахнулся кнутом, как крупные слезы покатались по щекам девушки. Ее хрупкое тело не выдержало бы и одного удара плетью с железными шипами — кожа лопнула бы до костей.

Цинь Хуай в отчаянии закричал:

— Цяо!

Се Лаоши нахмурился, долго и пристально глядя на девушку, но по какой-то причине не смог опустить кнут. Вместо этого, прямо на глазах у Цяо Жань, он обрушил его на спину Цинь Хуая.

Цяо Жань вскрикнула и до крови закусила губу. Это она погубила его.

Цинь Хуай наконец не выдержал и потерял сознание. Цяо Жань была готова разорвать обидчиков зубами.

В этот момент прибежал слуга и доложил: молодой господин очнулся и снова требует Се Лаоши.

Се Лаоши бросил последний взгляд на Цяо Жань, чье лицо было мокрым от слез, но глаза полыхали яростью, и приказал:

— Смотрите в оба.

Как только Се Лаоши ушел, остальные стражники застыли, словно деревянные столбы. Как бы Цяо Жань ни умоляла, они и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Цинь Хуаю. Девушка про себя поклялась: если она выберется из этого ада живой, то обчистит этих людей так, что у них даже нижнего белья не останется!

Цяо Жань не знала, сколько времени провела в путах. Ее конечности онемели, дышать становилось всё труднее. Когда она была уже на грани обморока, вернулся Се Лаоши. Цяо Жань с трудом разлепила веки, думая лишь о том, что если ее решили убить, то пусть делают это быстрее — эта пытка ожиданием была хуже самой смерти.

Однако обещанной казни не последовало. Се Лаоши велел развязать их и приказал увести Цяо Жань.

— А как же он? — спросила она, глядя на Цинь Хуая. — Что вы с ним сделаете?

Се Лаоши не стал ничего объяснять, лишь бросил:

— Уводите.

Их разлучили. Цяо Жань заперли в гостевой комнате загородного поместья. Ей давали еду, постель была мягкой, обстановка — уютной, но она не знала, что стало с Цинь Хуаем.

Она несколько раз пыталась сбежать, но безуспешно. Се Лаоши выставил усиленную охрану: каждые пять метров стоял стражник. Цяо Жань не смогла бы выбраться, даже если бы у нее выросли крылья.

Так прошло десять дней.

Каждый день приходила служанка с едой. Стоило той поставить поднос на стол, как Цяо Жань тут же смахивала его, и суп с кашей разливались по полу.

— Я принесу еще, госпожа, подождите немного, — служанка не злилась, а отвечала мягко и покорно. Это лишь подтверждало догадку Цяо Жань: Чэнь Цзю не собирался ее убивать.

— Можешь принести хоть десять порций, я всё равно не притронусь, — отрезала она. — Передай своему господину: я хочу видеть Цинь Хуая.

— Не волнуйтесь, госпожа, с господином Цинем всё в порядке, — ответила служанка.

— Не верю, — Цяо Жань пнула поднос. — Я должна увидеть его своими глазами, иначе объявлю голодовку. Раз уж ваш господин держит меня в таких условиях, значит, он не хочет моей смерти, верно?

Служанка в замешательстве ответила:

— Госпожа, сейчас вы не можете увидеться с ним. Я схожу за новой порцией.

— Хоть сто раз сходи, я всё перебую! — крикнула Цяо Жань. — Дайте мне увидеть Цинь Хуая, я должна знать, что он жив!

Служанка вышла и заперла дверь. Цяо Жань толкнула ее — замок был снаружи. Еда на полу все еще источала аромат, но у нее не было ни капли аппетита. В тот день Цинь Хуай получил тяжелые раны. Если его бросили здесь умирать без помощи, он вряд ли протянет долго.

Вскоре служанка принесла горячий обед, но Цяо Жань, даже не взглянув, швырнула его в дверь. Посуда разлетелась вдребезги. Два дня она твердо держала слово: ни капли воды, ни крошки хлеба, и горы разбитой посуды.

В очередной раз, когда принесли еду, Цяо Жань облизнула пересохшие губы и крикнула:

— Еще раз принесешь — разнесу всё в щепки! Если хочешь целой посуды, проваливай!

Дверь все же отворилась. Цяо Жань, не глядя, схватила табурет и приготовилась швырнуть его в вошедшего. Когда табурет уже был занесен над головой, она увидела, как вошедший прикрылся подносом и усмехнулся:

— Полегче, воительница, не покалечь меня.

— Цинь Хуай!

Цяо Жань опустила табурет и бросилась к нему, обнимая. Ее голос дрожал:

— Ты в порядке? Они что-нибудь с тобой сделали?

Цинь Хуай вздохнул. Раньше он и не замечал, что Цяо Жань — бумажный тигр. На словах дерзкая и острая на язык, а в критической ситуации — сплошные слезы и страх.

— Со мной всё хорошо, — он покрутился перед ней, а затем поставил поднос на стол. — Слышал, ты тут голодовку устроила из-за меня? Вот, примчался, боясь, что ты себя до истощения доведешь.

Цяо Жань села рядом, ее большие глаза, подернутые влагой, внимательно изучали его лицо.

— Ты правда в порядке?

— Правда, — кивнул Цинь Хуай. — После того как нас развели, они прислали лекаря. Все эти дни я лечился, они дают мне лучшие лекарства, раны заживают быстро.

Цяо Жань с сомнением посмотрела на него:

— Серьезно?

— Серьезно, — он протянул ей палочки для еды и рассмеялся. — Они тратят на меня дорогие лекарства, мне даже жаль. Лучше бы купили что-нибудь подешевле, а разницу в деньгах мне отдали.

Цяо Жань наконец улыбнулась.

— Как твои раны? Очень болят? Это я тебя втянула в эту беду.

— Ешь давай, ты совсем исхудала, — поторопил он. — Не говори о том, кто кого втянул. Я сам пришел тебя искать и попался, это не твоя вина.

Хотя Цяо Жань была голодна, еда казалась безвкусной. Главное, что Цинь Хуай жив и здоров — это принесло ей облегчение.

— Как это не моя...

— Не узнаю тебя, Цяо-вторая. С чего это ты вдруг стала такой сентиментальной? — Цинь Хуай усмехнулся. — Меня кормят, лечат, раны почти затянулись. Мне даже нравится — всю жизнь так не жил. Хотелось бы, чтобы раны заживали подольше, чтобы подольше пожить в таком комфорте.

Цяо Жань проглотила кусочек риса.

— Главное, что ты в порядке.

Цинь Хуай оглянулся на дверь и понизил голос:

— Странно всё это. Что на уме у этого старшего господина Чэня? То хочет нас убить, то кормит как на убой. Что это значит?

Цяо Жань покачала головой:

— Не знаю. Может, у этого болезненного от долгой хвори с головой не в порядке?

— И что будем делать? — спросил Цинь Хуай.

— Ты поправляйся. Как только встанешь на ноги, мы отсюда сбежим, — ответила она.

Увидев Цинь Хуая, Цяо Жань успокоилась и вернулась к своей жизни в «заточении». Прошло еще полмесяца. Холода в Шучжуне начали отступать, в поместье стало теплее.

Стоило выйти за ворота, как вокруг расцвела весна, но Цяо Жань не могла покинуть поместье.

Охрана была повсюду, и они с Цинь Хуаем никак не могли найти возможности для побега.

Во дворе слышались шаги служанок. Цяо Жань открыла окно — стражники никуда не делись. Неподалеку две служанки, решив передохнуть, сели под навесом и принялись рассматривать только что сорванные ветки персика.

Одна из них понюхала цветы и игриво сказала:

— Пойдем потом на задний склон, наберем побольше. Можно будет сделать печенье с цветами персика, всех угостим.

Вторая, более рассудительная, поправила прядь волос:

— Меньше шастай туда-сюда. Главный охранник велел без нужды не покидать поместье. Да и... в нынешнем состоянии господина кому до печенья? Делай свою работу и не высовывайся. Убери цветы, пока охранник не увидел, он будет недоволен.

— Разве господину не стало лучше? Я подумала, весенние лакомства могли бы поднять ему настроение.

— Еда господина проходит строжайшую проверку, нельзя же просто так давать ему что попало, — служанка поднялась. — За работу! Хватит уже думать только о еде.

Младшая надула губы:

— Поняла.

Цяо Жань слышала каждое слово. Она сидела у окна и размышляла: под «господином» они наверняка имели в виду Чэнь Цзю. Если она не видела его всё это время, неужели ему стало хуже?

То, что семья Чэнь винит ее в ухудшении состояния Чэнь Цзю, вполне логично. Но что означает это заточение?

<http://bllate.org/book/21361/2174517>